

3.04.93

Морозов Савва Тимофеевич

Рос. Вестн. - 1993. - Запр. - с. 7

Из первых рук

Нужен ли в храме купец?

«Недавно был во МХАТе, том, который теперь имени Чехова. И вот увидел (раньше не было того или не замечал?), что между портретами двух создателей театра - третий портрет. Савва Тимофеевич Морозов собственной персоной. Зачем этот купец в храме искусства? Ну, помог деньгами, и спасибо. Кстати, тот же Малый театр или Александринский в Питере обошлись без подачек богатеев. Или я не прав?

В.Кудояров, москвич.

Читателю отвечает директор музея МХАТа Владлен ДАВЫДОВ. Да, вы не правы, уважаемый В.Кудояров. И я попытаюсь вас убедить.

Начну с того, что между Художественно-общедоступным театром (так назывался МХАТ при рождении) и его старшими братьями, упомянутыми вами, существовала принципиальная разница. Те были театрами императорскими, то есть государственными, и находились в очень большой зависимости от аппарата чиновников, которые не меньше недавних парткультуртрегеров «управляли» репертуаром, «учили» режиссеров, «наставляли» актеров. «Да избавит нас Бог от генера-

лов и чиновников, первых врагов искусства», - говорил Станиславский в 1900 году. И само рождение нового театра двумя годами ранее было осуществлением мечты двух великих реформаторов о создании театра истинно народного, независимого от чиновничьих капризов, от их представления о прекрасном.

После известного 18-часового обсуждения в «Славянском базаре» К.Станиславский и В.Немирович-Данченко заложили основы театра частного, не антрепризы, которая существовала один сезон, а именно театра. До этого был только один частный театр - Корша. Деньги собирали на общедоступный по подписке, немало внесли и сами основатели, открылись в среду, 14 октября 1898 года блистательным спектаклем «Царь Федор Иоаннович», восприняты были публикой с восторгом, но... уже два сезона спустя оказались в долгу как в шелку.

Способен ли театр существовать самостоятельно, без государственной дотации? И не является ли меценат (или, как выразился читатель, купец) новым, взамен чиновнику, хозяином, чуждым искусству? Эти вопросы и сегодня стоят перед нами и дебатир-

ются. И потому история Художественного театра и его меценатов интересна не просто в познавательном плане.

К пятому сезону было образовано товарищество на паях, которое и спасло от долгов, от гибели. Передо мной документ, в котором записано: «...Московский Художественный театр переходит в ведение особого товарищества на следующих лиц: Алексеев (Станиславский), Алексеева (Лилина), Вишневский, Желябужская (Андреева), Качалов, Лужский, Морозов...» В конце списка еще две фамилии: Чехов, Чехова. «Вышеуказанные лица, - подчеркнуто далее, - образуют необходимый для ведения дел товарищества оборотный капитал в размере 50000 рублей». Обращаю внимание на примечание: «Если у вышеупомянутых лиц не окажется средств для внесения своих паев, то С.Т.Морозов авансирует потребные для каждого участника суммы по векселям, сроком на три года. При этом Морозов сам участвует, смотря по разверстке, в сумме от 10 до 15 тысяч рублей, а размер открываемого им кредита разный. Алексееву (Станиславскому) в 15 тысяч, Лужскому - в 6, а Вишневскому и Чехову - всего в 3 тысячи рублей». Как видите, один из

крупнейших «текстильных магнатов России» «миллионщик» Морозов умел считать деньги - под векселя давал с учетом доходов и бедного литератора Чехова ссужал, хоть и немалой по тем временам, но заметно меньшей суммой, чем фабриканта Станиславского.

Однако в том же документе о правах и обязанностях пайщиков товарищества есть и такой, четырнадцатый по счету пункт. Его бы прочитать нашим современным деловым людям, идущим делать бизнес в искусстве. «С.Т.Морозов в течение трех лет субсидирует товарищество в нижеследующей форме: арендует на этот срок театр Лианозова, перестраивает его с тем расчетом, чтобы зрительный зал имел 1200 мест, и передает его на три года в пользование Товарищества... Товарищество обязуется перед С.Т.Морозовым не повышать платы на места свыше 1700 рублей полного сбора так, чтобы театр сохранял характер общедоступного».

И еще момент, тоже без всякой пропаганды говорящий о взгляде истинного мецената на свое место в «бизнесе» театра. Цитирую документ: «Если при ведении дела получатся барыши, то таковые ежегодно каждым из учас-

тников, если последний должен, уплачиваются С.Т.Морозову в размере 1/3 долга, излишек же, буде таковой окажется, должен идти в течение трех лет на усиление оборота средств Товарищества».

Позволю себе последнюю цитату: она так современна по своей идее, и удивительно, как можно многие годы спустя спорить и витийствовать о том, что десятилетия тому назад было ясно и бесспорно для людей, делающих искусство, и тех, кто его финансирует. «Репертуар театра, - записано художественниками, совместно с «купцом» (терминология читателя), - должен представлять пьесы, имеющие общественный интерес, и пьесы, не имеющие такового, хотя бы и могущие рассчитывать на материальный успех, не могут входить в состав репертуара театра».

Художественному на меценатов везло. Когда уже после самоубийства Морозова театр был на гастролях в Европе и имел огромный успех, но моральный, а материальный потерпел крах, от позора труппа была спасена Николаем Лазаревичем Тарасовым. Он заплатил 30 тысяч (колоссальную по тем временам сумму!) безвозмездно,

чтобы оплатить долги и дать артистам возможность вернуться домой. Другой благодетель театра, Стахович, был адъютантом московского генерал-губернатора и ушел в отставку, чтобы стать директором-пайщиком.

Богатые люди шли в театр, к театру с целью вложить, а не нажить на нем деньги. Савва Морозов был далеко не идеальный человек, и свои миллионы он делал напористо, жестко. Но его бизнесом было текстильное производство. А театр - театр был высоким увлечением. Ему он служил. «Он способен страстно увлекаться, до влюбленности. Не женщиной - это у него большой роли не играет, а личностью, идеей общественной. И, увлекаясь, отдает свою сильную волю в полное распоряжение того, кем увлечен».

Думаю, под влиянием сильной натуры Саввы архитектор Шехтель безвозмездно разработал проект переустройства театра. А всю стройку возглавил сам Морозов; миллионер даже красил сам, увлеченно, убеждая, что «белое с серебром изящнее, чем с золотом. Золото кричит. В зале должны быть спокойные краски, чтобы не отвлекать зрителя». Удивительный колорит интерьера Художественного

(в недавно отремонтированном здании он особенно и вновь зазвучал) обязан вкусу и знаниям инженера Морозова, изучавшего химию, в том числе краски, в английских высших учебных заведениях.

Вас не устроило, уважаемый читатель Кудояров, что между двумя основателями Художественного помещен портрет мецената? Но, во-первых, они трое были в свое время избраны содиректорами правления. Их весьма демократично избрали члены-пайщики товарищества. И в десятилетний юбилей театра на специальном значке именно они трое (Савва Тимофеевич посередине) были запечатлены: двое живых, третий уже погибший, но чтимый всеми.

Недавно блистательная актриса Алла Демидова поделилась скорбной для нашего общества вестью - ни один из современных богачей не захотел помочь деньгами ее театру.

А литургию по Савве Морозову отслужили на Камергерском (ныне проезд Художественного). Не во дворце Морозовых на Спиридоньевке. А в театре, которому он служил...

Записала Светлана СТЕПУНИНА.